

BéBé

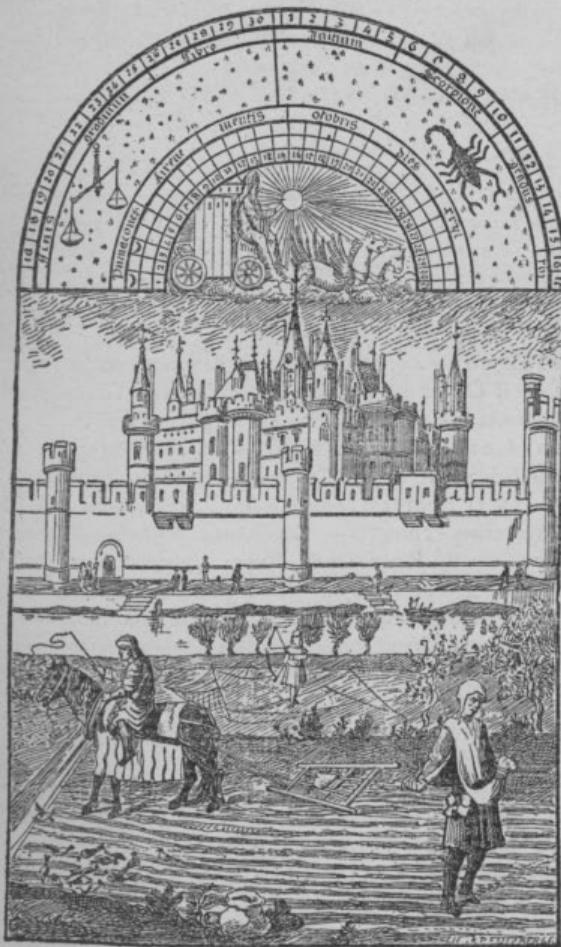
N. II°

1906

ВѢСЫ ◈ ФЕВРАЛЬ ◈ 1906

La Balance. Février. 1906.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»
Москва, Театральная пл. д. Метрополь кв. 23.

«ВЪСЫ» ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія третій. 1906. N 2, ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Текстъ.

Вячеславъ Ивановъ. Сѣверное Солнце. 14 стихотвореній	1
Ѳедоръ Сологубъ. Чудо отрока Лина. Разсказъ	18
Д. С. Мережковскій. Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго.	27
Корнѣй Чуковскій. Циферблатъ г. Бельтова.	46
А. Іосифъ Заттлеръ. Характеристика.	52
М. Ликіардопуло. Современная греческая литература. I. До 1905 г.	55
Авредій и С. Рафаловичъ. Письма изъ Петербурга („Антигона“ Софокла и «А Пиппа Пляшетъ» Гауптмана)	60
С. Соловьевъ. Артемись Колонна въ Москвѣ.	65
Андрей Бѣлый. Н. И. Стороженко. Некрологъ.	67
О книгахъ. (I Критика: Louis Mandrin, Les Sommeils.—A. Ch. Swinburne, Loves cross - currents — Свободная совѣсть. Литературный сборникъ. — В. Ключевский. Курсъ русской исторіи. Ч. II. — В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи. Т. 2.—Памяти А. П. Чехова. Изд. Общ. любителей россійской словесности. — А. Н. Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.—В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю.—II. Библіографія: М. Ю. Лермонтовъ. Собрание Сочиненій. Изд. т-ва Просвѣщеніе.—Ivan Tourgenieff. Novels and Stories, Transl. by I. Narhood. — С. К-ій. Изъ прошлаго).	
Въ журналахъ и газетахъ (Золотое Руно — Поэзія. — Poesia. — О Максимѣ Горькомъ.—Ecrits pour l'art.—Memento).	81
Лѣтопись литературы и искусства	86
Горестныя замѣты	88
Объявленія	89
Рисунки.	
Л. Бакстъ. Проектъ обложки «Сѣверныхъ цветовъ». Передъ текстомъ.	
I. Заттлеръ. Два рисунка.	Передъ стр. 17 и 33.
Его же. Виньетки и заставки	Въ текстъ.
Обложка Н. Сапунова. Фронтиспісъ—миніатюра XIV вѣка.	

СОДЕРЖАНИЕ.

SOMMAIRE.

Venceslas Ivanov. Le Soleil Boréal. Poésies.—Féodor Sologoub. Le Miracle de l'adolescent Line.—D. Mérejkovsky. Un prophète de la révolution russe. (F. Dostoëvsky).—C. Chookovsky. Le cadran de M. Beltoff.—A. Joseph Sattler.—M. Lykiardopoulos. La littérature néo-grecque contemporaine. — Aurèle et Serge Rafalovitch. Lettres de Pétersbourg. — S. Solovieff. M-me Artemis Colonna à Moscou. — André Biély. N. Storojenko. "Nécrologie. — Bibliographie (Comptes-rendus sur les livres de M. M. Louis Mandin, A. Swinburne, V. Klutchevsky, V. Vindeband, A. Radistcheff, V. Biélynsky, M. Lermontoff, I. Tourgueneff, S. C—y et autres).— Les revues et les journaux (La Toison d'Or, La Belgique artistique et littéraire, Poesia, Litterarische Echo, Ecrits pour l'Art, Memento). — Chroniques de la vie artistique et littéraire.—Notes.—Annonces.

Un dessin inédit de M. L. Bakst hors texte. Deux dessins de M. J. Sattler hors texte (tirés du livre «Histoire de la civilisation [dans les villes du Rhin]»). Vignettes et culs-de-lampe par le même. Couverture par M. Nicolas Sapounoff. Frontispice—miniature du Livre d'Heures du duc de Berri

Редакція извиняется, что не можетъ, по независящимъ отъ нея причинамъ, начать съ первыхъ же NN печатаніе обѣщанаго ею историческаго романа г. Валерія Брюсова. Романъ не-премѣнно будетъ напечатанъ въ «Вѣсахъ» въ 1906 г. Рисунокъ М. Врубеля будетъ приложенъ къ одному изъ ближайшихъ NN.

ЦИФЕРБЛАТЪ Г. БЕЛЬТОВА.

I

Въ прошломъ году вышла книга Бельтова „За двадцать лѣтъ“. Бѣдная книга эта не имѣть автора. Она создана механическимъ путемъ. Бельтова никакого нѣть и никогда не было. Есть хорошая машина. Хорошій „приборъ для измѣренія марксистскихъ идей въ любомъ одушевленномъ или неодушевленномъ предметѣ“ Марксометръ. Стоить только бросить въ него Гегеля или Скабичевскаго, Родбертуса или Волынского,—колесики задвигаются, пружина зашипить, стрѣлка придетъ въ движеніе, а на особомъ циферблатѣ отмѣтится требуемая величина.

Бросьте въ машину Некрасова, результаты получатся такіе:

„Некрасовъ знаетъ, что характеры людей складываются подъ вліяніемъ окружающей среды“ (стр. 129), ему извѣстна первая догма экономического матеріализма, что „сознаніе народа опредѣляется образомъ его жизни“ (131). Онъ не вѣрить въ могущество идеальныхъ стремлений русского народничества“ (130). — И вслѣдствіе этого удѣльный вѣс поэта будетъ объявленъ очень высокимъ.

Не то съ г. Скабичевскимъ. На циферблатѣ окажется цифра весьма мизерная. Но не потому что у г. Скабичевского“ нѣть „нити таланта, ни ключа дѣльныхъ знаній“—во всякомъ случаѣ не только потому (стр. 318). А потому что г. Скабичевскій, не имѣть соответствующаго міросозерцанія,—и чуждается русскихъ учениковъ“ (стр. 310). За это г. Скабичевскій оказывается (стр. 318) „не болѣе какъ декадентомъ“.

Колесики вертятся безъ конца. Ипполитъ Тэнъ и Дарвинъ, Бѣлинскій и Тардъ, Златовратскій и Гёте,—всѣ поочередно попадаютъ въ колбочку марксометра — и на циферблатѣ мелькаютъ разныи цифры.

Но—это такъ отрадно отмѣтить—бѣдной книгѣ иногда стыдно своего униженія. Она старается сдѣлать видъ, будто она писана рукой живого человѣка. Напримѣръ, въ статьѣ о Волынскомъ она старается отмѣтить стиль этого писателя, его „поесть“, его „у жимки“,—словомъ, она хочетъ притвориться, что у нея есть и другіе критеріи, кромѣ циферблатной стрѣлки. Но этого благороднаго притворства хватаетъ ровно на 10 строкъ,— а потомъ опять колесики, опять винтики. Книга—и ей не укрыть этого—отвергаетъ Волынского исключительно и единственно за то, что въ

Гегель этот писатель усмотрѣлъ нечто иное, чѣмъ Марксова предшественника и за то, что при разсмотрѣніи литературныхъ явлений,— онъ—худо-ли, хорошо-ли — предъявилъ къ нимъ абсолютныя, а не классовая точки зрѣнія.

II

Но не всегда появляется у книги г. Бельтова эта благородная стыдливость. Обыкновенно она дѣйствуетъ на чистоту, и свою статью *Объ искусстве* прямо и начинаетъ: „Мы скажемъ безъ обиняковъ(!), что мы смотримъ на искусство, какъ и на всѣ общественные явленія, съ точки зрѣнія материалистического пониманія исторіи“.

Не „материалистическое пониманіе“ оскорбляетъ насъ. Наши души настолько вмѣстительны, что примутъ всякое „пониманіе“ художественно претворивъ его въ жизнеощущеніе. Для насъ одинаково.

Прекрасенъ въ мозги грозной власти,
Восточный царь Ассаргадонъ,
И океанъ народной страсти
Въ шепы дробящій утлый тронъ!

(Валерій Брюсовъ).

Каждая вещь для насъ имѣть свой собственный критерій, мѣрится собственной мѣрою,—мѣрою, которая ею же дана.—Истинный поэтъ,—а мы должны, мы обязаны быть поэтами, если подходимъ къ наукѣ, къ знанію, къ міру опыта и логики, ибо только поэты знаютъ истину,—истинный поэтъ любить всѣ школы, всѣ правды, всѣ умственныя настроенія.

И пусть читатель не думаетъ, что мы „противъ Маркса“. Марксъ такъ же пріемлемъ нами, какъ Шопенгауэръ, какъ Данте, какъ Достоевскій. Мы думаемъ, что для эстетического воспріятія (*жѣдѹсъ* чувство) равно правы и Гераклитъ и Парменидъ. Для насъ Марксъ такъ же правъ, какъ и его противники. Марксъ гений, Марксъ поэтъ, его душа на такихъ высотахъ, что намъ внизу, жутко и сладко слѣдить за нимъ, но не ходите по его тропамъ вы, маленькие, вы, хромые, вы, убогіе!

„О женскомъ вопросѣ“, „о націонализмѣ“, „о искусстве“, „о милитаризмѣ“—обо всемъ этомъ умѣете вы говорить одними и тѣми же словами, отъ одной печки, въ безчисленныхъ вашихъ брошюрахъ,—и ни ума, ни таланта, ни знаній, не нужно для нихъ — ни даже глупости, ни даже бездарности.

III

Бельтовъ зоветъ Скабичевскаго „не болѣе какъ декадентомъ“. Мы бы могли назвать г. Бельтова „не болѣе какъ Скабичевскимъ“, — но не хотимъ обижать Скабичевскаго.

Къ декадентамъ книга вообще питаетъ презрѣніе. Такъ принято у марксистовъ. Не помню—гдѣ, мнѣ попалось на глаза такое упражненіе одного изъ послѣдователей г. Бельтова.

„Всѣ эти декаденты и символисты — въ высшей степени злакачественное явленіе русской дѣйствительности. Своимъ безразличіемъ къ общественнымъ запросамъ, своею проповѣдью квѣтизма и нирваны, своимъ самоуслажденіемъ на почвѣ утонченныхъ переживаній и разныхъ получувствѣ да полумыслей,—они являются несомнѣнно выразителями буржуазной идеологии, и въ этой идеологии, какъ въ зеркалѣ отразился создавшій ее классъ, со всей своей умственной лѣнью, со всѣмъ своимъ духовнымъ безсиліемъ, со всею своею сыростью и дряблымъ гедонизмомъ“ и т. д. и т. д.

Все это несомнѣнныя пустяки.

Оказывается, что машина вовсе не такъ совершенна, какъ мы о ней думали. Оказывается, это очень скверная машина. Если бы меня Богъ обидѣлъ, и сдѣлалъ меня тоже механическимъ аппаратомъ, я, какъ настоящій марксистъ, съ точки зрѣнія вотъ этого самаго экономического материализма — непремѣнно доказаль бы противное, непремѣнно выступилъ бы на защиту декадентства, восторженно привѣтсововалъ бы его и тѣмъ же циферблатомъ, тѣми же пружинами обнаружиль бы что декаденты, вотъ „всѣ эти Бальмонты да Брюсовы“ являются,—и всегда являлись идеологами русского пролетаріата, идеологами „всего, что есть самого боевого, передового, непримиримаго на Руси“,—являлись, сами того не подозрѣвая и даже часто думая о себѣ противное.

IV

Я написалъ бы тогда приблизительно слѣдующее:

— Классъ, создавшій ту или иную идеологію, — не всегда отражается въ ней. Въ идеологіи, большей частью, отражаются не свойства ея носителей, а свойства ихъ враговъ, —въ обратномъ, опрокинутомъ видѣ. Такъ, въ эпоху реставраціи идеологія англійского дворянства нисколько его не отражала, — нѣтъ, она отражала въ

обратномъ видѣ идеологію его противниковъ-пуританъ. „Тогда стало хорошимъ тономъ любить и дѣлать то, что запрещали пуритане. Пуритане были очень религіозны, свѣтскіе люди щеголяли своимъ безбожіемъ. Пуритане преслѣдовали театръ и литературу; ихъ паденіе дало сигналъ къ новому и сильному увлечению театромъ и литературой. Пуритане носили короткіе волосы и осуждали изысканность въ одеждѣ; послѣ реставраціи явились на сцену длинные парики и роскошные наряды“ и т. д.

Г. Бельтовъ зовѣть это „подражаніемъ изъ противорѣчія“. Ну вотъ и хорошо. Возьмите декадентовъ. Въ нихъ не было ничего что говорило бы о ихъ принадлежности къ пролетаріату—это правда. Ни мечей, ни знаменъ не воспѣвали они, и раему свободѣ-народѣ считали очень неважною риѣмой. Все это я охотно признаю. Они были мистиками, квѣтистами, индиферентистами—они усыпляли, они успокаивали, они притупляли,—со всѣмъ этимъ я соглашуюсь напередъ. И все таки..

И все таки, не потому ли они были такъ принужденно-загадочны, такъ нарочито, старательно-туманны, что гг. Потапенки, Данченки, Авсѣнки—были ясны и опредѣлены, какъ докторъ Львовъ изъ „Іванова“ („говорю я ясно и опредѣленно, и не, можетъ понять меня только тотъ, у кого нѣть сердца“). Не потому ли полюбили они эту—иногда смѣшную—уточненность, что идеологія враговъ ихъ была такъ груба и такъ широковѣйна? А квѣтизмъ?—не предались ли они ему оттого, что докторъ Львовъ, проф. Серебряковъ, учитель Медвѣденко—эти вѣчные мѣщане русской жизни—такъ много, и такъ уныло работали? Словомъ, въ механическомъ процессѣ зарожденія идеологій не опредѣлилось ли все декадентство, какъ полная, математически точная антитеза вражьего, мѣщанского жизнеощущенія?

И если это такъ, если хоть на одну минуту это можетъ быть такъ, то не являются ли декаденты,—враги мѣщанъ, враги враговъ пролетаріата—уже тѣмъ самымъ его друзьями, его соратниками его скрытыми, тайными союзниками? Что если въ декадентствѣ, самомъ по себѣ, не отразилось ни одной черты его носителей, а все оно опредѣлилось чертами ихъ враговъ. Вѣдь тогда окажется, что квѣтизмомъ своимъ оно звало къ борьбѣ, въ неясности его была опредѣленность, и въ самоцѣльности—весьма точная цѣль...

V

Но вотъ зашумѣла революція. У декадентовъ появились мечи и знамена, а слово народѣ стало риѣмоваться со словомъ впередѣ. Стали ли они отъ этого революционнѣе? Нѣть. Потому что они были вѣсы.

революционерами задолго до этого. Именно тогда, когда они были мистиками, квіетистами, эстетами. Именно благодаря этому своему квіетизму, мистицизму, эстетизму.

Въ искусстве—съ этимъ даже г. Бельтовъ согласится — важно не что, а какъ. Я даже предлагаю г. Бельтову напечатать небольшую брошюруку о томъ, что на всемъ протяженіи исторіи это какъ, — и только оно, — отмѣчало классовыи идеологии (поскольку таковыми было искусство); это какъ, — и только оно, — было орудіемъ борьбы супротивныхъ классовъ, — а жалкое что плелось позади, играло самую третьестепенную роль,—всегда, впрочемъ претендуя на главное значение.

И это самое что могло быть у декадентовъ и безразличнымъ, и ретрограднымъ, и изувѣрствомъ—не въ немъ дѣло. Не оно опредѣляетъ классовое значеніе поэзіи. А какъ — у декадентовъ всегда было боевымъ, всегда было противомѣщанскимъ, — всегда было на благо и на потребу другихъ враговъ мѣщанства, враговъ соціальныхъ или политическихъ. Разрушая этику или эстетику мѣщанъ, — декаденство тѣмъ самымъ было за одно съ тѣми, кто разрушалъ ихъ политику,—отвратительную политику гнета и несправедливости.

Подумайте, какъ ничтожно содержаніе поэзіи для опредѣленія классовой роли того или иного поэта: П. Я. напр., только и дѣлаетъ, что поетъ:

На бой, на бой
Въ борьбу со тьмой!

однако поеть онъ это по мѣщански, мѣщанскими словами, мѣщанскими напѣвами. И благодаря этому, благодаря своему какъ и вопреки своему что, онъ былъ и на всегда останется мелкобуржуазнымъ поэтомъ, хотя бы риены тиранъ и барабанъ никогда не уходили изъ его стиховъ.

А Валерій Брюсовъ до послѣдняго времени пѣть любовь, страсть, женшинъ, Валерій Брюсовъ — до послѣдняго времени „уходилъ въ вѣка загадочно-былыхъ“, и не сказалъ ни одного слова въ пользу восьми-часового рабочаго дня, и однако всѣ его пѣсни, мотивы этихъ пѣсень, звуки этихъ пѣсень, все это разбивало, громило, разносило въ пыль мѣщанскую вѣру, мѣщанскую мораль, мѣщансkie вкусы. Все это, такимъ образомъ, служило дѣлу пролетаріата. Слышите, г. Бельтовъ? Слышите, г. А. Б? Дѣлу про-ле-та-рі-а-та. Слышите, г. Кра-нихфельдъ? Слышите, г. Боцяновскій?

VI

Стало быть, когда Минскій, Сологубъ, Бальмонтъ, Брюсовъ—запѣли вдругъ о мечахъ и знаменахъ,—никакой перемѣны, никакого

перелома это не означало. Это было продолжением той же революционной борьбы съ мѣщанствомъ, которую декаденство повело съ первыхъ же дней своихъ. Это означало только вѣрность себѣ, только постоянство, только твердость въ быломъ направлениі. И люди, близорукіе люди, не замѣчая правды въ прошломъ, замѣтили ее только теперь, въ настоящемъ. „Декаденты измѣняются, декаденты лѣвѣютъ, декаденты начинаютъ примыкать къ революціи!“—такъ говорять близорукіе люди. Какъ это невѣрно! Какъ это несправедливо! Какъ это близоруко!

Вмѣстѣ съ пролетаріатомъ декаденты и прежде подкапывались подъ одну—обоимъ ненавистную — твердыню, подкапывались разно, каждый по-своему, разными орудіями, даже не замѣчая другъ друга, даже не подозрѣвая другъ о другѣ. Но что-же изъ того? Твердныя уже рушится..

Пролетаріатъ съ плеча рубить политической и общественные узы мѣщанства. Декаденство впитывалось незримымъ ядомъ, незамѣтной ржавчиной въ моральная и эстетическая узы того же самаго врага. Что-жъ? Ядъ такъ же хорошъ для этого, какъ и сѣкира. Брюсовъ имѣлъ полное право сказать пролетарію о себѣ и о своихъ единочувственникахъ:

Стремлюсь, какъ ты, къ земному раю
Я, подъ безмѣрностью небесъ:
Какъ ты, на всѣхъ запястьяхъ знаю
Слѣды невидимыхъ желѣзъ,

Но, узникъ, ты схватилъ сѣкиру,
Ты рубишь твердый камень стѣнъ,
А я, таясь, готовлю міру
Ядъ, гдѣ огонь запечатлѣнъ.

Онъ входить въ кровь, онъ входить въ душу,
Преобрашаетъ явь и сонъ..
Такы! я незримо стѣны рушу,
Въ которыхъ духъ нашъ заточенъ,

Чтобъ въ день, когда мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ—дали всѣхъ дорогъ!

(*Στέφανος*, 121 стр.)

Вотъ что писалъ бы я, если бъ у меня былъ циферблатъ г. Бельтова.

Корней Чуковскій.